

Из разговоров соседей Ли Гуйсян уже знала: Чжан Бэйтин и Сун Яньцин каждый день открывают прилавок ближе к концу часа Шэнь.

В начале часа Ю она взяла веер и вышла из дома.

Сделав всего несколько шагов, вдруг забеспокоилась и вернулась к двери, чтобы ещё раз наказать старшей невестке:

— Рис на ужин я уже отмерила и поставила возле очага. В чан больше не лезь. Овощи в корзине — горькую дыню просто обжарь. Яйца пока не трогайте, через пару дней у твоего младшего деверя выходной в академии, пусть вернётся и поест.

— Поняла, матушка, — тихо ответила госпожа У, продолжая стирать под навесом и даже не поднимая головы.

Насколько свекровь выделяет младшего сына, она узнала ещё в первый день после свадьбы.

Раздав последние указания, Ли Гуйсян наконец раскрыла веер и неспешно направилась к постоялому двору Наньчэн, делая вид, будто просто вышла прогуляться в прохладе.

Почти добравшись, она заметила впереди двух женщин, которые шли необычно быстро.

Сама не понимая зачем, Ли Гуйсян ускорила и приблизилась.

— Ты давай быстрее, а то бинфэнь опять закончится, — сказала одна другой.

Сердце Ли Гуйсян дрогнуло.

Она держалась в нескольких шагах позади и незаметно пошла следом.

На месте выяснилось: зря она думала, что придётся искать прилавок Чжан Бэйтина.

Достаточно было один раз окинуть площадку взглядом.

Где больше всего людей — там и он.

Перед прилавком толпа стояла в несколько рядов, так что почти невозможно было рассмотреть, что происходит внутри.

Ли Гуйсян остановилась поодаль.

Она смотрела, как покупатели толкаются за местом, и всё сильнее стискивала зубы.

В памяти одно за другим всплывали события многолетней давности.

Отец Чжан Бэйтина, Чжан Цюань, и её муж Чжан Пин родились в одной деревне. Были примерно ровесниками и жили неподалёку друг от друга.

Но положение их семей отличалось как небо от земли.

Семья Чжан Пина тогда и была тем самым небом.

Из поколения в поколение его родственники служили деревенскими поварами: готовили на свадьбах, похоронах и больших праздниках по всей округе. Так они накопили приличное состояние и считались одной из зажиточных семей деревни.

А у Чжан Цюаня отец погиб, когда мальчику было три года: пошёл в горы за дровами и попался тигру.

Ещё через год мать снова вышла замуж.

Оставшийся сиротой ребёнок выжил только потому, что родственники по роду подкармливали его кто чем мог: сегодня одна семья даст миску каши, завтра другая — батат.

Когда мальчики подросли, Чжан Пину быстро нашли невесту — Ли Гуйсян.

А Чжан Цюань всё ещё каждый день думал, будет ли у него следующая порция еды.

После свадьбы Чжан Пин решил, что не хочет всю жизнь, как предки, быть деревенским поваром.

Родители дали им деньги, и молодые купили небольшое помещение в Юньяне, где открыли лавку с паровыми булочками.

Через несколько лет супруги накопили кое-какие средства, родители снова помогли, и они приобрели дом.

Так семья окончательно закрепилась в городе.

С тех пор всякий раз, когда они приезжали в родную деревню, люди хвалили их за предприимчивость и успех.

Ли Гуйсян прекрасно помнила: когда её старшему сыну уже было несколько лет, Чжан Цюань всё ещё не мог найти жену.

Он был слишком беден.

Ни одна женщина и ни один гэр из окрестных деревень не хотели за него идти.

Позже дошёл слух, что он подобрал беженку издалека.

Даже свадебного поклона Небу и Земле не было — просто начали жить вместе.

И словно именно после появления этой чужой женщины всё незаметно стало меняться.

Чжан Цюань с женой покинули деревню Цинси, где он вырос, и переехали в Юньян.

Однажды они даже приходили к Ли Гуйсян и Чжан Пину просить помочь найти работу.

Но Ли Гуйсян терпеть не могла подобранную Чжан Цюанем женщину.

Слишком уж красивой та была.

Поэтому она отказала.

Позже Ли Гуйсян видела, как женщина специально пачкала лицо грязью, днём вместе с Чжан Цюанем таскала грузы на пристани, а ночью они искали место под городской стеной, где меньше дуло.

Постепенно Ли Гуйсян просто перестала о них думать.

Следующая встреча произошла больше чем через полгода.

Чжан Цюань и его жена, почти как сейчас Чжан Бэйтин, поставили небольшой уличный прилавок и начали продавать еду.

Торговля не была такой безумно успешной, как нынешний бинфэнь, но всё равно шла очень хорошо.

Через несколько лет уличный прилавок превратился в настоящее заведение.

Потом они купили дом — ещё больше, чем у семьи Чжан Пина.

Разбогатев, Чжан Цюань не забыл тех, кто когда-то помогал ему выжить.

Родственникам он отправлял зерно, кому-то покупал землю, денег не жалел. Даже оплатил ремонт родового храма.

Сам он позднее почти перестал возвращаться в деревню, но стоило людям заговорить о Чжан Цюане, звучали одни и те же слова: благодарный, верный родным, добившийся успеха.

И самое ненавистное — после каждой похвалы Чжан Цюаню кто-нибудь обязательно вспоминал Чжан Пина и Ли Гуйсян, которые уехали из деревни ещё раньше.

Люди словно забыли, что когда-то точно так же восхищались и ими.

Теперь говорили только:

«Без родителей они бы ни лавку, ни дом в Юньяне не купили».

А потом ещё добавляли:

«Разбогатели — и забыли бедных родственников. Ни деревне не помогают, ни людям».

Даже младшего сына Ли Гуйсян и Чжан Пин отправили учиться лишь после того, как увидели: Чжан Цюань нанял наставника для Чжан Бэйтина.

Несколько лет назад, узнав, что Бэйтин собирается на уездный экзамен, Ли Гуйсян заставила собственного младшего сына тоже участвовать, хотя тому было всего четырнадцать.

Результат?

Чжан Бэйтин получил степень сюця.

Её сын провалился.

Ни Ли Гуйсян, ни Чжан Пин не могли этого проглотить.

Почему Чжан Цюань, сирота, который в детстве едва не умер с голоду, должен жить лучше их?

Почему и его сын оказался успешнее?

Лишь в прошлом году, когда Чжан Бэйтин провалил провинциальный экзамен, а затем оба его родителя умерли от болезни, Ли Гуйсян впервые почувствовала: камень, двадцать с лишним лет лежавший у неё на груди, наконец убрали.

А сегодня она смотрела на толпу перед прилавком Чжан Бэйтина — и словно вернулась в день, когда впервые увидела уличную торговлю Чжан Цюаня.

Именно после того дня чужая семья начала всё сильнее их обгонять.

Погрузившись в воспоминания, Ли Гуйсян не заметила, как сама подошла почти к прилавку.

— Если не покупаете, отойдите подальше, людям не мешайте.

Кто-то слегка толкнул её, и Ли Гуйсян вздрогнула, приходя в себя.

Она поспешно опустила голову и отошла в сторону.

Боясь встретить знакомого, быстро осмотрелась.

Знакомых не увидела.

Зато в одном углу возле прилавка заметила нескольких мальчишек лет шести-семи, которые теснились поближе и жадно смотрели на еду.

Ничего необычного.

Возле прилавков с едой постоянно крутились дети, которым взрослые не хотели давать деньги, а самим очень хотелось попробовать.

Перед лавкой булочек её семьи такие тоже иногда стояли.

Но среди этой компании оказался её собственный внук Даниу.

Ярость вспыхнула мгновенно.

Как госпожа У вообще воспитывает ребёнка?!

Даниу тоже заметил бабушку.

Сначала испугался.

Но запах и желание попробовать оказались сильнее страха. Он протиснулся к Ли Гуйсян, сглотнул и попросил:

— Бабушка, я тоже хочу бинфэнь.

Ли Гуйсян и без того пришла раздражённая и только искала, на ком сорваться.

Если бы Даниу увидел её и убежал, сделать она ничего не могла бы — сама не хотела, чтобы люди знали о её визите к прилавку Чжан Бэйтина.

Но внук не только не убежал, а ещё посмел подойти и попросить его бинфэнь.

Ли Гуйсян взорвалась.

Схватила ребёнка за ухо и начала ругать:

— Только жрать и умеешь! Ты хоть знаешь, из чего эта дрянь сделана? Не боишься отравиться насмерть?!

Резкий крик напугал окружающих.

Люди инстинктивно отступили, вокруг них образовался свободный круг.

Даниу вцепился в собственное ухо и заплакал:

— Не буду! Не буду есть! Бабушка, отпусти, ты мне ухо оторвёшь!

Но Ли Гуйсян не только не отпустила — сжала ещё сильнее.

— Ещё раз сюда придёшь — отравишься, и никто даже не узнает!

Она раз за разом повторяла про смерть от яда.

Толпа уже не столько верила ей, сколько не могла понять, как человек способен говорить настолько жестокие вещи собственному внуку.

Но взгляды всё равно повернулись к Чжан Бэйтину.

Всем было ясно: женщина намеренно портит репутацию бинфэня.

И всё же любопытно, как хозяин отреагирует.

Даниу продолжал всхлипывать:

— Я больше никогда не приду!

— Тогда пошли домой! — Ли Гуйсян решила, что нашла прекрасный повод уйти. — Вся семья тебя полдня ищет.

— Оклеветала товар — и решила просто уйти?

Чжан Бэйтин уже успел выйти из-за прилавка и теперь стоял у неё на пути.

Ли Гуйсян столкнулась с его холодным взглядом и тут же вспомнила нож возле овощной лавки.

Икры снова задрожали.

Но она быстро напомнила себе: сегодня ножа у него в руках нет, вокруг полно свидетелей.

Смелости сразу стало больше.

— Никто вообще не знает, из чего твой бинфэнь сделан!

Она всё ещё упрямылась, но слово «яд» повторять уже не решилась.

Чжан Бэйтин спокойно спросил:

— Говорят, ваша семья держит лавку с паровыми булочками. Чем вы заквашиваете тесто? Из чего и как замешиваете начинку?

— Почему я должна рассказывать тебе семейный рецепт?! — вырвалось у Ли Гуйсян.

Уголок губ Чжан Бэйтина чуть приподнялся.

— Именно. А почему я должен рассказывать тебе?

Из толпы донёсся сдавленный смешок.

В южной части города почти каждая семья была связана с каким-нибудь ремеслом или торговлей.

Рецепты, приёмы, способы производства — то, чем люди зарабатывали на жизнь, — часто скрывали даже от части родни: передавали сыну, но не зятю; невестке, но не дочери, которая уйдёт в другой дом.

Что уж говорить о посторонних.

Один вопрос Чжан Бэйтина загнал Ли Гуйсян в угол.

Грудь тяжело поднималась, но сказать было нечего.

Под смешки окружающих она позорно ушла.

На этот раз Чжан Бэйтин не останавливал.

В одном Ли Гуйсян была права: при таком количестве свидетелей, да ещё прямо у собственного прилавка, он не станет применять силу.

Более того, даже громкая ссора могла повредить торговле.

Чжан Бэйтин мысленно вздохнул, вернулся за прилавок и сказал:

— Яньцин, пить хочется. Наложите мне миску бинфэня.

— Хорошо. Все добавки?

— Все.

Чжан Бэйтин взял миску.

На него смотрела почти вся очередь, но он совершенно не смутился. Перемешал добавки, зачерпнул ложку и спокойно съел.

Двигался он аккуратно и даже изящно, но ел быстро.

Вскоре в миске не осталось ничего — даже сироп со дна был выпит.

Только тогда многие поняли: Чжан Бэйтин вовсе не из-за жажды ел при всех.

Он без единого слова опроверг обвинение в «ядовитости» своим собственным поступком.

И заодно пресёк сплетни, которые могли возникнуть позже.

На самом деле большинство и без того не принимало слова Ли Гуйсян всерьёз.

Но увидев, как хозяин спокойно съел полную порцию, люди всё равно почувствовали себя ещё увереннее.

Кто-то посмотрел на Чжан Бэйтина с одобрением, но вслух сказал совсем другое:

— И так каждый день всем не хватает, а теперь ещё хозяин сам одну порцию съел.

— Вот именно. Сегодня ещё один человек останется без бинфэня.

Слова и поступок Чжан Бэйтина не позволили скандалу повредить торговле.

Но время они всё-таки потеряли, поэтому закрылись позже, чем в предыдущие два дня.

Чжан Бэйтин и Сун Яньцин уже собрали миски и сосуды, когда заметили человека, всё ещё сидевшего у стола.

— Мы сегодня закончили, — сказал Чжан Бэйтин.

Мужчина обернулся.

— Бинфэнь у вас вкусный. Только одним им не наешься.

— Хозяин Цянь? Вы ещё здесь? — Чжан Бэйтин немного подумал. — Через несколько дней я хочу приготовить что-нибудь более сытное. Приходите попробовать.

Цянь Лянцай кивнул:

— Обязательно.

Но вставать всё равно не торопился.

Чжан Бэйтин не мог же выгнать человека, поэтому просто сел напротив.

Тогда Цянь Лянцай наконец произнёс:

— Та женщина сегодня... не похожа на человека, который остановится после одной неудачи.

Чжан Бэйтин пожал плечами.

— Придут солдаты — выставим генерала, придёт вода — построим дамбу. Не закрывать же торговлю из-за неё.

Цянь Лянцай посмотрел с явным одобрением и поднялся.

— Мне пора домой.

Сделал пару шагов, затем добавил:

— Бинфэнь ваш, конечно, не сытный. Но он вкусный и, главное, больше такого нигде нет. Поэтому я всё равно буду приходить.

С Чжан Бэйтином его почти ничего не связывало.

Остался и предупредил только ради любимого десерта.

Поймёт молодой человек намёк или нет — уже его дело.

Чжан Бэйтин серьёзно сложил руки в поклоне.

— Спасибо за предупреждение.

Цянь Лянцай махнул рукой.

— Не стоит. Завтра просто положи мне в миску побольше маленьких танъюаней.